

УДК 821.134.2-82(861)
ББК 84(7Кол)я44
Г20

Серия «Библиотека классики»

Gabriel García Márquez

CRÓNICA DE UNA MUERTE ANUNCIADA
DEL AMOR Y OTROS DEMONIOS
MEMORIA DE MIS PUTAS TRISTES

Перевод с испанского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства
Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20 Хроника объявленной смерти ; О любви и прочих бесах ; Вспоминая моих несчастных шлюшек : [сборник : перевод с испанского] / Габриэль Гарсиа Маркес. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-121660-3

О чем бы ни писал Маркес, он всегда писал об одном и, в сущности, главном — о любви и о смерти. И повести, составившие этот сборник, — не исключение.

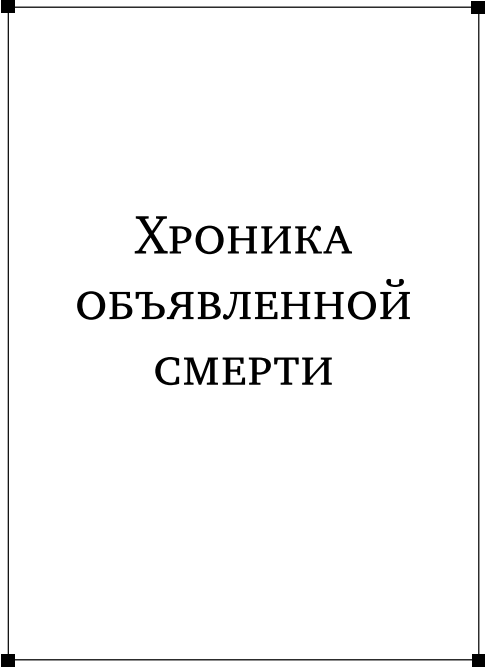
В «Хронике объявленной смерти» герой погибает наутро после первой брачной ночи. «О любви и прочих бесах» — жаркий рассказ о страсти священника к юной аристократке — страсти, которую не способны изгнать ни молитва, ни пост, ни пламя костра. И наконец, в третьей повести любовь приходит как неожиданный и незаслуженный дар в конце бессмысленно прожитой жизни.

Любовь и смерть, как талантливые и опытные партнеры, ведут со страницы на страницу повестей Маркеса свой истинно латиноамериканский танец — отчаянный, опасный и страстный.

УДК 821.134.2-82(861)
ББК 84(7Кол)я44

© Gabriel García Márquez, and Heirs
of Gabriel García Márquez, 1981, 1994, 2004
© Перевод. Л.С. Новикова, наследники, 2020
© Перевод. М.И. Былинкина, наследники, 2020
© Перевод. Л.П. Синянская, наследники, 2020

ISBN 978-5-17-121660-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ХРОНИКА
ОБЪЯВЛЕННОЙ
СМЕРТИ

Любви надменностью
достигнуть можно.

*Жил Висенти**

* Жил Висенти (ок. 1470 — ок. 1536 гг.) — выдающийся португальский драматург и поэт-сатирик. — *ЗДЕСЬ И ДАЛЕЕ ПРИМЕЧ. ПЕР.*

* © ПЕРЕВОД. Л. НОВИКОВА, НАСЛЕДНИКИ, 2016.

В день, когда его убили, Сантьяго Насар встал в 5.30 утра, чтобы встретить корабль, на котором прибывал епископ. Ему приснилось, что он шел сквозь рощу фиговых деревьев под моросившим мягким дождем, и какое-то мгновение во сне он был счастлив, однако, проснувшись, не мог избавиться от ощущения, будто его обгадили птицы. «Зачастую он видел во сне деревья», — сказала мне его мать Пласида Линеро, вспоминая 27 лет спустя подробности того страшного понедельника. «За неделю до того ему снилось, будто он летал — один — в самолете из фольги среди деревьев миндаля, не задевая за стволы», — говорила она. Пласида Линеро пользовалась вполне заслуженной репутацией блестящей толковательницы чужих снов, если рассказывали ей их натошак, но и она не заметила чего-либо угрожающего ни в этих двух, ни в других сновидениях своего сына о деревьях, про которые он сообщал ей по утрам в дни, предшествовавшие его смерти.

Да и сам Сантьяго Насар не уловил предзнаменования. Спал он мало и плохо, не снимая одежды, проснулся с головной болью, а во рту — будто кошки ночевали, и все это он воспринял как естественное следствие свадебной попойки, затянувшейся далеко за полночь. Те многочисленные люди, которых он встретил с момента выхода из

дома в 6.05 утра и до того, как был заколот, словно свинья, часом позже, — все они вспоминают, что хоть и выглядел он несколько заспанным, но был в хорошем настроении и еще каждому мимоходом замечал, что день наступает прекрасный. Никто из них не мог с уверенностью сказать, относилось ли это замечание к погоде. Одни сходились во мнении, что было солнечно и с моря через банановые заросли долетал легкий ветерок, как и следовало быть в погожий февральский денек. Большинство же, наоборот, утверждало, что погода была мерзкой, небо — нависшим и сумрачным, в воздухе стоял тяжелый запах загнившей воды, а в момент несчастья пошел мелкий дождь вроде того, что Сантьяго Насар видел в чашобе сна.

Я приходил в себя после той же свадебной попойки, пребывая в объятиях благословеннейшей Марии Алехандрины Сервантес. Проснувшись от внезапных ударов колокола, я решил, что трезвон этот устроен в честь епископа.

Сантьяго Насар надел брюки и рубашку из белого полотна — обе вещи не были накрахмалены, — такие же, что были на нем накануне, на свадьбе. То была его праздничная одежда. Если бы не приезд епископа, он надел бы рубаху и брюки цвета хаки и натянул сапоги для верховой езды — в таком виде он отправлялся по понедельникам в свою асьенду «Божественный лик», которую вместе со скотом унаследовал от отца и которой управлял весьма разумно, хотя и без большой для себя пользы.

В горы он отправлялся с «магнумом-357» за поясом, очередь его утяжеленных пуль, как утверждал Сантьяго Насар, могла рассечь лошадь надвое. В сезон охоты на куропаток он возил с собой еще и снаряжение для соколиной охоты. В его шкафу, кроме того, хранились винтовки «малинхер-шёнауэр-30.06», «холланд-магнум-300», «хорнет-22» с двойным оптическим прицелом и многозаряд-

ный «винчестер». Он всегда спал так, как спал его отец: с пистолетом в наволочке подушки; перед выходом из дома в тот день он вынул магазин и положил пистолет в ящик ночного столика. «Он никогда не оставлял оружие заряженным», — сказала мне его мать. Я знал об этом и знал еще, что он хранил оружие в одном месте, а патроны держал в другом — и очень отдаленном, с тем чтобы никто, пусть даже случайно, не смог бы поддасться искушению зарядить оружие в доме. Это разумное правило было введено его отцом, после того как однажды утром служанка, убирая постель, тряхнула подушкой и пистолет, ударившись об пол, выстрелил; пуля расщепила шкаф в комнате, пробила стену гостиной, с пронзительным свистом пронеслась через столовую соседнего дома и превратила в пыль гипсовую статую святого в человеческий рост, украшавшую главный алтарь церкви на противоположной стороне площади. Сантьяго Насар в то время был еще совсем ребенком, но не забыл урока.

Последнее воспоминание о нем, сохранившееся у матери, связано с моментом, когда он поспешно прошел через ее спальню. Он нечаянно разбудил мать, пытаясь нащупать таблетку аспирина в аптечке, находившейся в ванной комнате; она зажгла свет и увидела сына в проеме двери со стаканом воды в руке — таким она и запомнила его навсегда. Именно в тот момент Сантьяго Насар и рассказал ей свой сон, но она не обратила внимания на слова о деревьях.

— Все сны о птицах — к доброму здоровью, — сказала она мне.

Она видела его, лежа в том же гамаке и в той же позе, в какой я нашел ее в старости, на закате ее последних дней, вновь вернувшись в это забытое селение в попытке восстановить из разрозненных осколков разбитое зерка-

ло памяти. Пласида Линеро едва различала — и то при сильном освещении — фигуры людей, к вискам ее были привязаны листья целебных растений от беспрестанной головной боли, оставшейся от последней встречи с сыном, когда он прошел через ее спальню. Женщина лежала на боку, ухватившись за веревки в изголовье гамака, она пыталась приподняться; в полусумраке комнаты стоял запах застоявшейся воды в крестильной купели, который так поразил меня в то утро, когда свершилось преступление.

Лишь появился я в проеме двери, как она вспомнила Сантьяго Насара. «Там он и стоял, — сказала она мне. — На нем был костюм из белого полотна, просто выстиранный, без крахмала, — его нежная кожа не переносила крахмала». Она долго сидела в гамаке, пережевывая зернышки кардамона, пока ощущение, что сын вернулся, не покинуло ее. Тогда она вздохнула: «Он был единственной опорой в моей жизни».

Я представил себе, каким он остался в ее памяти. Ему исполнился 21 год в последнюю неделю января, он был строен и бледен, арабского типа разрез глаз и вьющиеся волосы передались от отца. Сантьяго Насар был единственным сыном от брака, заключенного по расчету, супругам не выпало ни одного счастливого мгновения, но сам он, казалось, был вполне счастлив, имея такого отца, пока тот не скончался скоропостижно три года назад; сын казался счастливым и с оставшейся в одиночестве матерью, так было до понедельника — дня его смерти. От матери он унаследовал дар предчувствия. У отца же еще в раннем детстве обучился владению огнестрельным оружием, любви к лошадям и натаскиванию ловчих птиц, от него же воспринял полезное искусство быть отважным и осторожным. Между собой отец и сын говорили по-арабски, однако в присутствии Пласиды Линеро избегали этого, чтобы

она не чувствовала себя исключенной из беседы. В селе-нии их никогда не видели с оружием, своих натасканных птиц они привезли сюда лишь однажды, чтобы показать на благотворительной ярмарке искусство соколиной охоты. Смерть отца вынудила Сантьяго Насара бросить учение после окончания средней школы и заняться делами при-надлежащей семье асьенды. Что же касается его личных качеств, то был он человеком с открытым сердцем, весе-лым и доброжелательным.

В день, когда его убили, мать, увидев сына во всем бе-лом, решила, что он ошибся днем недели. «Я напомнила ему, что был понедельник», — сказала она мне. Но он по-яснил, что парадное платье надел на случай, если предста-вится возможность приложиться к перстню на руке епи-скопа. Однако это ее не тронуло.

— Он и с корабля-то не сойдет, — сказала она сыну. — Как всегда, по обязанности благословит всех и уедет туда, откуда приехал. Ненавидит он наш городок.

Сантьяго Насар знал, что это правда, но торже-ственность церковных ритуалов неудержимо влекла его. «Как в кино», — сказал он мне однажды. А вот мать в связи с приездом епископа заботило лишь одно — как бы сын не промок под дождем: ей послышалось — он чихал во сне. Она посоветовала ему взять зонт, но он махнул рукой на прощание и вышел из комнаты. Видела она его в послед-ний раз.

Кухарка Виктория Гусман утверждала, что ни в тот день, ни в течение всего февраля дождей не было. «На-оборот, — сказала она мне, когда я посетил Викторию не-задолго до ее кончины. — Солнце начинало жарить на-много раньше, чем в августе». В окружении нетерпеливых собак она рубила на куски туши трех кроликов для обеда, когда в кухню заглянул Сантьяго Насар. «Утром по физио-

номии можно было определить, как прошла его ночь», — вспоминала Виктория Гусман, не скрывая своей неприязни. Ее дочь, Дивина Флор — Божественный Цветок, едва начинающий распускаться, — подала Сантьяго Насару большую чашку кофе без сахара, влив в нее рома — так бывало каждый понедельник, — чтобы помочь ему побороть тяготы прошедшей ночи. В очаге просторной кухни шипело пламя, на высоких насестах еще спали куры; здесь жизнь шла своим чередом. Сантьяго Насар разжевал еще одну таблетку аспирина и стал потягивать медленными глотками кофе, не спеша размышляя и не отводя взгляда от обеих женщин, потрошивших у плиты кроликов. Виктория Гусман, несмотря на возраст, прекрасно сохранилась. Девочка же, еще немного диковатая, уже задыхалась, похоже, от порывов плоти. Сантьяго Насар схватил ее за руку, когда она подошла, чтобы взять у него пустую чашку.

— Пришло время взнудать тебя, — сказал он ей.

Виктория Гусман показала ему окровавленный нож.

— Пусти ее, прохвост, — приказала она, насупившись. — Пока я жива, из этого родника тебе не пить.

Ибрагим Насар соблазнил Викторину Гусман в ее самые юные годы. В течение нескольких лет он тайно встречался с ней в конюшнях асьенды, а потом, когда любовь кончилась, перевел ее служить при доме. Дивина Флор, ее дочь от недавнего сожителя, знала, что ей уготованы ночи в постели Сантьяго Насара, и эта мысль порождала в ней преждевременные желания. «Такого мужчины, как он, не рождалось более на свете», — сказала она мне, толстая и грустная, окруженная детьми — плодами многих любовных встреч. «Он был во всем вылитый отец, — возразила ей Виктория Гусман. — Такое же дерьмо». Она не смогла скрыть дрожь, вспомнив ужас Сантьяго Насара, когда она

одним махом вырвала внутренности у кролика и швырнула собакам дымящийся клубок кишок.

— Не будь зверем, — сказал он ей. — Представь: если бы это был человек?!

Виктории Гусман понадобилось почти 20 лет, чтобы понять, почему человек, привыкший убивать беззащитных животных, так неожиданно взволновался. «Боже! — воскликнула она в испуге. — Неужели это было знамение!» Однако в то утро, когда свершилось преступление, кухарку настолько обуяла накопившаяся ярость, что она продолжала бросать собакам потроха других кроликов лишь для того, чтобы отравить завтрак Сантьяго Насару. Таково было положение дел, когда весь городок проснулся от оглушительного рева гудков парохода, на котором прибыл епископ.

Дом — в прошлом тут был склад — имел два этажа, стены его обиты грубо отесанными досками, двускатная крыша покрыта цинком, на коньке постоянно дежурили стервятники в ожидании отбросов, скапливавшихся в порту. Здание было построено в те времена, когда река была еще настолько судоходной, что морские баркасы и даже настоящие корабли рисковали подниматься до городка, преодолев болотистое устье. По окончании очередной гражданской войны сюда прибыл с последней группой арабов Ибрагим Насар, тогда корабли с моря уже не заходили в порт — река изменила русло, — и склады оказались ненужными. Ибрагим Насар купил строение за ничтожную цену, намереваясь оборудовать в нем лавку для продажи импортных товаров, однако так никогда и не открыл ее. А собравшись жениться, он превратил склад в жилой дом. В нижнем этаже была отстроена гостиная на все случаи жизни, за домом соорудили конюшню на четыре лошади и подсобные помещения для прислуги,